

18+

АНТОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОЙ
ПОЭЗИИ И ПРОЗЫ

Коллектив авторов

**Антология современной
поэзии и прозы «Мы»**

«Издательские решения»

Коллектив авторов

Антология современной поэзии и прозы «Мы» / Коллектив авторов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-0068-2749-3

Антология современной поэзии и прозы представляет читателям лучшие произведения авторов Международного союза русскоязычных писателей. Мы говорим о вечных ценностях: о любви, счастье, дружбе, добрососедстве, взаимоуважении, взаимопонимании, духовной наполненности, вере в лучшее. Мы – потомки великих писателей – несём русское слово миру, чтобы показать его красоту и величие. Его силу и правду. Мы заявляем о себе, чтобы оставить наше доброе слово следующим поколениям читателей.

ISBN 978-5-0068-2749-3

© Коллектив авторов
© Издательские решения

Содержание

Вступление	8
Мария Камушкова	9
Взять паузу	10
Булату Окуджаве	11
Осень	12
Бархатное лето	13
Ключи от рая	14
Музе	15
Автобиография	16
По Сальвадору Дали	17
Михаил Войтович	18
Дым	19
Груз прошлого	20
Путь русского самурая	21
Предчувствие апреля	23
Монолог в баре	24
В заточении	25
Грех уныния	26
Качели	28
Мы	29
Вероника Богданова	31
Репетиция	32
Алесь Поплавский	44
«Рассвет твой слишком тих и неподвижен...»	45
Осеннее	46
«Никаких золотых чертогов...»	47
Чистота	48
Лето рыжих	49
Странники	50
Изнутри	51
Красная луна	52
Капля	53
«Смятием внутрь прорастаю извне...»	54
Ольга Бажина	55
Две Незнакомки	56
Сентябрьский день последним солнцем тёплым...	57
Августовский этюд 1	58
Петербургские коты	59
Натянуло солнце тетиву...	60
Июньский вечер в лесу	61
Уютный вечер	62
Царица русского стиха Мирра Лохвицкая	63
Любви непорванная нить	64
Снегурочка	65
Ассоциация к картине И. Крамского «Неизвестная»	66
Осенний этюд 12	67

Осенний этюд 11	68
Злато листвы превращается в медь	69
Снова осень, раскинув шатёр золотой...	70
Июль уже перевалил за половину...	71
Ирина Арсентьева	72
Отрывок из романа «Нимфоманка. Нескучный октябрь»	73
Александр Анюховский	76
Забывтое лето	77
Босоногая память шагает	78
Мне летних дней совсем не жаль	79
Молю о жалости	80
Моему «другу»	81
До свидания, лето!	82
На рассвете	83
Я лечу	84
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Антология современной поэзии и прозы «Мы»

Авторы: Арсентьева Ирина, Богданова Вероника, Поплавский Алесь, Анюховский Александр, Черников Илья, Преснякова Наталья, Камушкова Мария, Старченко Ольга, Загоруля Татьяна, Олейник Анна, Хлопкова Лариса, Ащеулова Антонина, Боронина Татьяна, Юкина Юлия, Долгих Людмила, Шишина Цветана, Феденко Елизавета, Счастливая Танечка, Абель Алевтина, Борисова Наталья, Панков Андрей, Яблоновская Ольга, Полещикова Елена, Никитина Валентина, Илюшина Анна, Лескова Анастасия, Войтович Михаил, Игнатюк Елена, Годунова Тамара, Киселева Анастасия, Фёдорова-Невская Елена, Бажина Ольга, Артамонова Светлана, Килиджан Светлана, Завгородний Андрей, Муканбетов Эдияр, Пчелинцева Вера, Сысоева Надежда, Емельяненко Сергей, Гортинская Лидия, Нагибина Светлана, Мороз Софья, Яковлева Мария, Конюшенко Ирина, Авраменко Ирина, Череп Татьяна, Ненашев Сергей, Васильева Ольга, Ланшаков Сергей, Колегова Анастасия

Дизайнер обложки Ксения Алексеева
Редактор Ирина Коробейникова

- © Ирина Арсентьева, 2025
- © Вероника Богданова, 2025
- © Алесь Поплавский, 2025
- © Александр Анюховский, 2025
- © Илья Черников, 2025
- © Наталья Преснякова, 2025
- © Мария Камушкова, 2025
- © Ольга Старченко, 2025
- © Татьяна Загоруля, 2025
- © Анна Олейник, 2025
- © Лариса Хлопкова, 2025
- © Антонина Ащеулова, 2025
- © Татьяна Боронина, 2025
- © Юлия Юкина, 2025
- © Людмила Долгих, 2025
- © Цветана Шишина, 2025
- © Елизавета Феденко, 2025
- © Танечка Счастливая, 2025
- © Алевтина Абель, 2025
- © Наталья Борисова, 2025
- © Андрей Панков, 2025
- © Ольга Яблоновская, 2025
- © Елена Полещикова, 2025
- © Валентина Никитина, 2025
- © Анна Илюшина, 2025
- © Анастасия Лескова, 2025
- © Михаил Войтович, 2025
- © Елена Игнатюк, 2025
- © Тамара Годунова, 2025
- © Анастасия Киселева, 2025

- © Елена Фёдорова-Невская, 2025
- © Ольга Бажина, 2025
- © Светлана Артамонова, 2025
- © Светлана Килиджан, 2025
- © Андрей Завгородний, 2025
- © Эдияр Муканбетов, 2025
- © Вера Пчелинцева, 2025
- © Надежда Сысоева, 2025
- © Сергей Емельяненко, 2025
- © Лидия Гортинская, 2025
- © Светлана Нагибина, 2025
- © Софья Мороз, 2025
- © Мария Яковлева, 2025
- © Ирина Конюшенко, 2025
- © Ирина Авраменко, 2025
- © Татьяна Череп, 2025
- © Сергей Ненашев, 2025
- © Ольга Васильева, 2025
- © Сергей Ланшаков, 2025
- © Анастасия Колегова, 2025
- © Ксения Алексеева, дизайн обложки, 2025

ISBN 978-5-0068-2749-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

Антология современной поэзии и прозы представляет читателям лучшие произведения авторов Международного союза русскоязычных писателей. Современная русская литература – один из самых интересных, загадочных и непредсказуемых периодов, ведь он развивается в наше время, на наших глазах.

***МЫ** – потомки великих писателей – несём русское слово миру, чтобы показать его красоту и величие. Его силу и правду.*

***МЫ** творим в переломный момент в истории человечества, который не может не отразиться на образе мышления и мировоззрении, но мы остаёмся верными принципам гуманизма и справедливости. Мы пишем в условиях творческой свободы, поэтому говорим о вечных ценностях: о любви, счастье, дружбе, добрососедстве, взаимоуважении, взаимопонимании, духовной наполненности, вере в лучшее.*

***МЫ** заявляем о себе, чтобы оставить наше доброе слово следующим поколениям читателей.*

Редактор сборника – президент МСРП Ирина Коробейникова

Мария Камушкова

Взять паузу

Взять паузу...
И замереть на миг,
Как яркий звук в строю октавы высшей,
На дирижёрской палочке повисший...
И темноты застывшей робкий крик.

Взять паузу...
И под литавры звон
Пройти вперёд, на пару тактов дальше,
Где наизусть, без робости и фальши
С оркестром слиться в страстный унисон.

Взять паузу...
И под оваций гром
Бесследно раствориться в партитуре,
Где чёрно-белый кант клавиатуры
По нотам сольной партии ведом.

Взять паузу...
Дослушать до конца
Взлетевшую под занавес октаву
И, уловив торжественное «Браво!»,
В поклоне лёгком тихо замереть.

Взять паузу...

Булату Окуджаве

Бреду по Арбату весеннему,
По левой его стороне,
И, словно бы кружев сплетеньями,
В ручьях растворяется снег.

Внезапно аккорд неразборчивый
Вплетает в шагов моих такт,
Меня величая по отчеству,
Мой старый приятель Арбат.

Рассвета капли застывшие
Неистово ринулись в плач,
И словно взлетает над крышами
Какой-то влюблённый трубач.

Бреду по Арбату бескрайнему,
По правой его стороне,
И словно бы песенка странная
Обрывками слышится мне.

Аккордов созвучья нестройные,
Простые, не в рифму слова.
Глокает игла патефонная
Мотив, уловимый едва.

А время летит беспокойное,
Но вновь по прошествии лет
Спою под гитару нестройную
Той песенки странной куплет.

Бреду по Арбату весеннему...

Осень

Осень поёт дождём,
Песней звучит печальной,
В небе последний гром
Пишет аккорд венчальный.

Жарким костром горят
Спелой рябины гроздь,
Птицы в ночи летят
К тёплому морю в гости.

Лижет туман седой
Жёлтых полей колосья,
Стелются над водой
Полной луны полозья.

Сладкой прохлады звон
Слышится в шуме ветра,
Машет ветвями клён,
Вдаль провожая лето.

Бархатное лето

Бархатным ветром шупает лето
Белых берёз восхитительный стан,
Солнце балует тёплым рассветом,
Буйных полей раскрывая цвета.

Белых акаций запах пьянящий...
Брызгами дождь застигает траву,
Берегом дальним иволга плачет,
Болью пронзая небес синеву.

Бухают грозы, балуясь где-то,
Бестии небо неистово жрут!
Бледного пуха рваные пледы
Будут на солнце блестеть поутру.

Быстрые реки гонят теченьем
Белые шапки кувшинок резных.
Блики от солнца гладью вечерней
Бережно в снах замирают моих.

Ключи от рая

Ты мне дарил цветы не раз,
Смущённый взгляд в глаза бросая,
Но вот однажды в добрый час
Ты преподнёс ключи от рая!

В ладони взяв мою ладонь,
За плечи робко обнимая,
Держал в руке любви огонь
И вёл меня к воротам рая.

Трёхкратно звякнуло в замке,
И мы вошли, от света шурясь...
Потёртый столик в уголке
И занавески в виде тюля.

«Я это всё тебе дарю
С любовным сердцем, дорогая!
Вот этот стол, луну, зарю
И эти два ключа от рая!»

Прошло полвека с этих пор,
Минула свадьба золотая,
Всё тот же в комнате ковёр,
Вот только комната другая.

А на стене висит портрет,
С него ты смотришь, улыбаясь...
Тебя давно уж рядом нет,
Остались лишь ключи от рая.

Музе

Я тут подумала,
А вдруг,
Вот вдруг писать я перестану?
Не будет вдохновенье-друг
Ко мне являться беспрестанно!
Не станет Муза приходить
На крепкий кофе вечерами,
И рифмы шёлковая нить
В сердцах порвётся лоскутами.

Как будто мыслей никаких,
И звукоряд совсем не строит,
Сонетов стройные венки
Не рушат странного покоя.
Затихли робкие шаги,
Исчезли запахи и звуки.
Молю, о, Муза, помоги!
Возьми поэта на поруки!

Влети в открытое окно,
Войди в распахнутые двери,
Вползи, ворвись, да всё равно,
Лишь дай мне вновь в себя поверить!
Зажги остывшую свечу,
Подай перо, присядь напротив!
Я для тебя писать хочу
Душой наполненные строки.

И если рядом будешь ты
В своём роскошном белом платье,
Вновь неспеша, без суеты
Я расчерчу поля тетради,
Настрою мыслей звукоряд
На свет луны и лад мажорный.
Мне звёзды нынче посылат,
Что всё получится, бесспорно!

Автобиография

Я не чесала макушку лета
И не встречала прилёт скворцов.
Я окунулась в объятья света
Под гордым знаком двух Близнецов!

В тот день прохладный гроза гуляла,
И резкий ветер стучал в окно,
Но это было пути начало,
Пройти который мне суждено.

Как будто сразу, в порывах плача,
Мне дан был свыше большой талант.
Совсем девчонка – уже скрипачка.
И так почётно: «Я музыкант!»

Но жизнь чертила свои зигзаги,
Лечило время тоску потерь,
Меня учили: «Твори во благо!»,
Мне говорили: «В судьбу поверь!»

И вот полвека мне дышат в спину,
Я лет как тридцать лечу людей,
А скоро снова увижу сына,
И будет новый прекрасный день.

А в день волшебный сойдутся звёзды,
И дрогнет небо в пылу стихий.
И вновь явлюсь я в Созвездье гордом
И напишу вам свои стихи.

Я не чесала макушку лета
И не встречала прилёт скворцов.
Я окунулась в объятья света
Под гордым знаком двух Близнецов!

По Сальвадору Дали

Взрывая интегралами нули,
Врезают ночь небесные качели,
И сходятся под красками Дали
Хвост ласточки и скрип виолончели!

Даёт судьба неистовый отпор
Стенаниям великого маэстро,
Но снова боль вступает в разговор,
И стоптанное сердце рвётся с места.

Высок и нежен ласточки полёт,
Как состраданье, смешанное с горем,
Но в небо ей подняться не даёт
Виолончель своим жестоким воем.

Раскинув эфы выгнутой змеёй,
Скрипит по нервам, издавая звуки!
И, разрушая сладостный покой,
Ведут смычок невидимые руки.

Предвестником беды и катастроф
Последние штрихи на холст слетели,
Сведя под параллелями усов
Хвост ласточки и скрип виолончели.

Михаил Войтович

ДЫМ

Ни живы, ни мертвы – мы превратились в дым,
Что стелется над линией раскола
По воле изречённого глагола
Меж царствием небесным и земным.

Мы проникаем в щели за порог,
Где ожидаем своей участи беспечно —
Как будто нам обещано жить вечно
В любых пространствах выбранных дорог.

Но нет, закончен будет быстро этот акт
Затянутого и монотонного спектакля,
И упадёт из крана в чашу раковины капля
С последними ударами часов в прощальный такт.

А сцену вновь окутает густой туман,
Который тихо скроет всё, что было
В сырых подмостках насквозь сгнившего настила
В финале этих беспросветных драм.

Так как же рассмотреть в нас свет и даль,
Увидеть смысл, глубину и правду,
Найти дорожку к сокровенному ландшафту,
Чтоб сделать лёгкой неизбывную печаль?

Как были дымом, дымом в небо и уйдём
И серым пеплом молча опадём на землю,
И в её недрах навсегда опять задремлем,
И снова ввысь потянемся ростками под дождём.

Таков закон, и так когда-нибудь замкнётся круг —
Бесплотный дым нальётся свежей плотью,
Врата откроются в небесные уголья,
Сотрутся линии судьбы в ладонях рук...

Груз прошлого

Лоск и лоскуты
От былых безудержных объятий;
С ночью я давно на ты,
Покорённый силой темноты,
Что приходит в ритуальном платье.

И хороним, и храним
Прошлое в бреду воспоминаний —
Морок тот рассеется как дым
Под дождём, холодным и седым,
В пламени просроченных желаний.

Дворник во дворе
Утром подметёт огрызки счастья,
Свистнет рак на сумрачной горе,
Растворятся звёзды в серебре —
Разлетится прежний мир на части.

Дома домовой
Мне забыть предложит старые обиды,
И опять укажет путь домой —
Но уже в реальности иной,
Совместив несовместимые орбиты.

В граде град —
Бьёт холодной очередью в крыши,
Души бьют в свой призрачный набат.
Мне давно поставлен шах и мат —
В этой партии я стал фигурой лишней.

Прошлое прошло,
Как прошли колючие осадки,
Солнце новое внутри меня взошло,
Стал я чист и светел всей душой
И пошёл навстречу завтра без оглядки.

Путь русского самурая

Так живут самураи —
Каждый день как последний;
Путь как истинный смысл.
Если нет сверхидеи,
Философия стаи —
Злые лживые сплетни,
Где стяжательство муза,
А предательству рады.
Если нет высшей цели,
Жизнь – разбросанный мусор
На помойках пустыни,
А объедки – награда.
Вспомни, кто ты, откуда,
Назначенье и имя,
Что дано тебе свыше
Тем, кто дарит нам чудо.
Смерти нет – всё химера,
Лишь позор или слава
Твои мощи покроют —
Нет иного исхода
После крайнего вздоха.
Только память да вера
Станут тайной опорой
В этой речке без брода,
Когда тошно и плохо.
Что для этого надо?
Чтоб душа – нараспашку,
Чтобы сердце дрожало,
Рассыпалось колодой
Под истёртой рубашкой.
Только небо упрямо
Не желает смириться
Со своим пораженьем,
Потеряв человека
В этих плоских экранах
С имитацией жизни
В суррогате движенья.
Безнадёжный калека —
Мир фантомных страданий
И бесплодных иллюзий
В миражах сновидений.
Господи Иисусе!
Сколько ж нам ещё биться
В эти тонкие стены,
Сколько выть и стучаться

В незакрытые двери?
Время взяться за вожжи
И повесить беспечно
Бубенцы над упряжкой,
Разогнаться над бездной
До безудержной дрожи,
Беспощадно стирая
Всё, что было и будет,
Всё, что делает пресной
Жизнь в текущем моменте —
Это путь самурая...

Предчувствие апреля

Твой первобытный страх ещё с тобой,
Ещё лежат внутри высокие сугробы,
Но белый ангел смерти вновь трубит отбой —
Не удержать ему промёрзшие окопы.

Уже оттаяли заледеневшие сердца,
Душа наполнилась прозрачными слезами —
Весна с земли сорвала маску мертвеца
И смотрит ввысь зелёными глазами.

Три долгих месяца ты жаждал перемен,
Три вечности стремился к обновлению,
Чтоб одолеть этот морозный сонный плен
И перестать быть просто серой тенью.

Март наступил – сырой и недозревший плод
Холодной, но такой желанной страсти —
Предвестник сочных будущих щедрот,
Спасение от ледяной напасти.

Весна на всех парах места занять спешит
На этом пиршестве. Пройдёт неделя,
И ты почувствуешь нагим холстом души
Неотвратимость наступления апреля...

Монолог в баре

Чёрная соль эпох
Под сапогами дней —
Мы никуда не спешим,
Сметая остатки крох
С давно насиженных мест.
Лучше, старик, налей —
Солнце простреливает насквозь
Окна моей души,
Гвоздь плавно входит в крест,
Сыпется пеплом хребет;
Пусто моё нутро,
Сам у себя я гость,
Сам для себя я враг —
Мой сумасшедший бог
Умер вместе со мной;
Некому делать добро,
Совесьть трещит по швам,
Рёбра ревут навзрыд —
Сердца за ними нет,
Но не окончен бой;
Новый вируса штамм
В клетках нашей крови —
В блуд превратился стыд,
В ад – придуманный рай;
Стаей бескрылых птиц,
Тоскующих о любви,
В клочья друг друга рвём:
Это не крик, а лай,
Волчий горючий вой,
Горький солёный плач
Под масками вместо лиц.
Так, старик, и живём,
Смерть забирая в плен —
Время вернуться домой —
Будь ты хоть слеп, хоть зряч,
Не признавая стен.
Но нет, ты не прав старик,
Я сделал всё, что мог —
Жаждет ещё душа
Мира вместо войны,
Веры без глупых догм,
Хочет сама решать —
Солнца глоток или тьмы
Сделать в последний миг...

В заточении

Опять занозы беспросветных дней
Впиваются под кожу, кровоточат.
Мы продолжаем строить замки из песка,
Но не хватает важного мазка
В безумном мире невзрослеющих детей;
Мы здесь как в заточении бессрочном.

Душ наших многоцветный хоровод —
Лишь сектора невидимой рулетки,
Где раз за разом выпадает нам зеро,
Один из многих, но непрошенных даров;
Всё так же солнце освещает небосвод
В границах тесных персональной клетки.

Куда идём мы в вихре падающих звёзд
По призрачной дороге без конца и края,
Где нет ни указателей, ни знаков?
Где даже свет в тебе темнее мрака;
Кричат птенцы из сотен разорённых гнёзд,
А падающий снег уже давно не тает.

Но сквозь холодный безразличный лёд
Видны прожилки бесноватых линий,
И пояса вечно живых лесов
В рассеянных вибрациях басов,
Способных осушить всю топь болот
И напоить водой бескрайние пустыни.

Мир движется в пересечение мёртвых снов,
Что снятся каждый день таким же мёртвым людям
На перекрёстке веры и слепых страстей,
Среди лукавых бесов всех мастей;
И рушатся столпы ещё вчера незыблемых основ
И остаётся главная из всех надежд – на чудо.

Грех уныния

Сердце,
Прошито строчками
Песен, ещё не написанных,
Бьётся,
Скрипя пружинами
В дверцы,
Закрытые наглухо,
Пишет ударами-точками,
Меряет мигами-числами
Боль всех минут оставшихся
Без билета обратного.
Солнце
Пылающим зеркалом
В душах пустых отражается,
Рвётся
Снарядами-метками,
Жалит осколками-мерками
Каждому – по делам его,
Но никто здесь не каётся.
Танцы
Древние, позабытые
Телу сами диктуют движения
В глянце
Наскальной графики,
Манят фигурами-знаками,
Машут руками-ветками —
Мы живём теми страхами
Под бетонными плитами.
Блюда,
Покрытые корками,
В небе кругами светятся,
Бьются
О землю твёрдую,
Ранят ножами-клешнями,
Водят краями-сколами,
Да никак всё не склеятся
Заклинаньями грешными.
Птицы
Без роду, без племени,
Слабые и бескрылые
С лицами
Человечьими
Смотрят глазами-дырами,
Плачут слезами-льдинами —
Смерть приходит ко времени,

Сверив трафики с вечностью,
К тем, кто впал в грех уныния...

Качели

Взлетала девочка на стареньких качелях
В сырое неприкаянное небо,
А в этот миг писалась «Тайная вечеря»,
Не красками – беспримесным небесным светом.

Раскачивался мир неторопливо,
Туда-сюда сновали куклы на подмостках —
Без цели, лишь в движеньи суетливом
Объём пытаюсь обрести в границах плоских.

Творились мифы, становясь удобной былью,
Копьё судьбы в безвременье летело,
Всё покрывалось серой горькой пылью,
Мерцали звёзды – тускло и несмело.

Земля вертелась, набирая обороты
В необозримом и растерянном пространстве,
И множились безликие пустоты
В этом безумном хаотичном танце.

Смешалось всё. И прошлое с грядущим
Переплелись между собой незримо,
Светило солнце вслед бесчисленным идущим,
И тот, кто создал этот мир, его покинул...

Мы

Были незыблемы,
Стали отравлены —
Ширью ушиблены,
Далью задавлены.
Кто же мы, Господи?
Странные, грешные —
Тени над пропастью,
Сны безутешные —
Миг пробуждения
Длится столетия,
Мрак наваждения
Ставит отметины
В душах измученных,
В сердце расколотом —
Небо за тучами
Трачено золотом,
Рай свой утерянный
Носим за пазухой,
Путь скорбный меряем
Льдами и засухой.
Гул не смолкающий —
Брань да проклятия,
Стон умирающих
В цепких объятиях.
Наши желания —
Рябь на поверхности,
Страх ожидания
Тьмы неизвестности
Что нам останется?
Сгинуть в изгнании,
С миром раскланяться
Птицей израненной —
Боль отторжения
Выйдет потерями
В вечном движении
Тёмной материи...
Сможем проститься
С химерами прошлого,
Освободиться
От смыслов изношенных?
Чтоб станцевать
На дрейфующем облаке,
Правду познать
В исчезающем облике
Хрупких эпох

В их величии тления —
Сумрачный вздох
Ждущих всеу спасения,
С песней росы
На просторах затерянных,
Там, где весы
Все грехи наши меряют.

Вероника Богданова

Репетиция

...Она изо всех сил пыталась выбраться из-под земли, сыпавшейся сверху непрерывным потоком. Руки судорожно пробивали путь на волю, к свету, но движения их становились всё больше похожими на конвульсии; скрюченные пальцы уже не слушались хозяйку, а воздуха катастрофически не хватало. Но вот земля сомкнулась над ней, и из груди несчастной вырвался последний приглушённый крик...

– Эй, очнись! – Тимка пытался растолкать Светлану, тоненько стонущую во сне и слабо скребущую руками по мокрой от пота подушке. Девушка ещё раз всхлипнула и резко села в постели, тяжело дыша и обводя непонимающим взглядом комнату общаги.

Знакомая обстановка наконец-то успокоила. Пришло понимание: это всего лишь сон. Кошмар, вызванный духотой июньской ночи.

– Тим, ты откуда здесь? – Света поднялась и, накрывшись пледом, босиком пошлёпала к столу. Налила воды в стакан и с наслаждением выпила, если только можно испытать наслаждение после пережитого во сне ужаса.

Быть погребённой заживо! Что может быть страшнее? Девушка поёжилась и покрылась мурашками, несмотря на жару.

– Ты кричала, а дверь в комнату была открыта, – пожал плечами Тимофей.

Сосед и вправду рванул к девчонкам, услышав вопли Светки. Между прочим, он уже не в первый раз вырывал её из жутких объятий Морфея, но девчонка отчего-то этого не помнила. А сам парень списал происходящее на экзаменационный стресс, помноженный на духоту, с которой началось в этом году долгожданное лето.

Нынешнее лето действительно ждали долго: студенты, получившие задание на практике поставить музыкальную сказку по мотивам русского фольклора, решили отправиться в глухую деревеньку, затерянную в лесах Новгородчины, чтобы репетировать свою «нетленку» в атмосферном местечке, «в обстановке, максимально приближенной к сказочной», как выразился Тимофей.

Деревеньку, кстати, тоже нашёл он: вроде бы, гостил там когда-то на летних каникулах у бабушки. Описание окрестностей молодым дарованиям жутко понравилось: дикий мрачный бор, соседствующий с рекой, в противовес ему светлой и согретой ласковым солнцем, вдоволь пустующих домов: занимай любой – и репетируй, сколько влезет! Никто не будет ругать за шум.

Только вот запасов надо было взять на пару недель: творческий процесс не терпел «мирской суеты»!

Поехали двумя машинами. В старенькую «буханку» Артёма погрузили нехитрый скарб, а девчонки с Тимкой набились в минивэн Алисы, местной звезды, претендующей на главную роль. Решено было развивать сюжет вокруг истории с русалкой, поскольку близилась Троица, и антураж в деревеньке обещал быть подходящим. Есть где развернуться и что поснимать!

Ехали долго и весело, обсуждая предстоящее приключение. Дорога шла вдоль болотистых мест, густо поросших молоденьким сосняком, сквозь который явственно проглядывали следы давнего пожара.

Маринка издала тоненький вой и радостно провозгласила:

– Похоже, где-то здесь живёт собака Баскервильей!

Ребята оживились и тоже начали подвывать на разные голоса. Тимка искоса глянул на Светку: точно так же она скулила сегодня утром во сне. Интересно, что ей приснилось? Девушка так и не поделилась с соседом содержанием своего кошмара. Может, она его и не пом-

нила вовсе: говорят, иногда сон забывается, если вырвать из него силком. Это и к лучшему: зачем помнить всякую гадость?

В этот момент Тимофей поймал взгляд Светланы и невольно улыбнулся ей. Какие всё-таки удивительные у неё глаза: серые, с лёгкой зеленцой, и всегда слегка прикрытые веками. Точь-в-точь как у сонной кошки. Губы девушки тронула едва заметная ответная улыбка. Ей показалось, что именно в этот миг их связала общая тайна...

Вечерело. Вдоль дороги начали появляться молочные сгустки тумана. Интересный здесь был туман: он ложился отдельными клочьями, словно отчаянно цепляясь за стволы деревьев, и имел чётко очерченные границы. Поэтому легко можно было рассмотреть, что происходит вокруг туманных островков. А вот заглянуть внутрь этих островков возможности не представлялось: уж больно они были густыми и плотными.

За одной из таких туманных зон неожиданно вырос одиноко стоящий столб, на верхушке которого обосновалось настоящее аистное гнездо. Его хозяева стояли в нём белыми истуканами клювами друг к другу, и Светлана внезапно поймала взгляд одной из птиц. Крошечный глаз, провожая путешественников, тревожно сверкнул ярко-алым. Светке стало страшно. Отчего-то вспомнился сегодняшней сон, в котором её пытались похоронить заживо.

– Ты тоже это видела? – голос Тимки заставил вздрогнуть.

– Ты про аиста? – догадалась девушка.

– Ну да. Представляешь: в такой глуши – и гнездо! – Парень повернул разговор совсем в другое русло, хотя Света изначально поняла, что он тоже имел в виду красный глаз птицы, обычно считающейся символом добра и мира.

– Люди, кто хочет сбегать за обочину? – раздался вполне резонный для долгой дороги вопрос.

Машины остановились друг за другом, и ребята «разделились по гендерному признаку», как торжественно провозгласил Артём. Светке не хотелось «орошать травку», и она стояла у минивэна, прикрыв глаза и с удовольствием вдыхая прохладный вечерний воздух. Вдруг шорох огромных крыльев разрезал тишину, обдав лицо ледяным порывом ветра. Света резко дёрнулась и, распахнув глаза, уставилась в прозрачный полумрак.

Одна из птиц – а это был тот самый аист, девушка не сомневалась, – исчезла в отдалении, а к Светлане напрямик из туманного острова вышел дедок. Он кашлянул и протянул ей что-то, напоминающее кисет – тряпичный мешочек на завязках.

– Передай Варьке, – сказал дед и тут же вернулся в туман, словно его и не было.

Какой Варьке? Где её искать? Светлана в недоумении уставилась на вещицу, зажатую в руке. Мешочек, сшитый из плотной ткани грязно-зелёного цвета и затянутый шнурком. Наощупь полупустой, словно в нём лежала одна монетка или пуговица. Но посмотреть, что именно, желания не возникло, да Светка никогда и не была любопытной. Она пожала плечами и спрятала дедову передачку в карман джинсов, решив позже показать Тимке.

Отчего-то этот парень успокаивал её своим негромким уверенным голосом и пристальным, но каким-то испытующе-мягким взглядом. Взглядом совсем юного, но очень много знающего человека.

И этот самый человек, внезапно выросший у неё за спиной, напугал её сейчас гораздо больше аиста и деда вместе взятых! Светка не выдержала и взвизгнула.

– Что, всё-таки увидела собаку Баскервилей? – хихикнула появившаяся из лесочка Маринка.

– Нет, это был аист Баскервилей, – неожиданно для себя отшутилась Света, забираясь в минивэн.

Машины тронулись. Путь продолжили в полной тишине: народ подустал, всем хотелось быстрее достичь цели и устроить большой праздничный ужин. И само собой получилось, что

остаток времени в дороге Светлана провела, уснув и положив голову на плечо Тимке. Тот ничего не имел против...

Ближе к деревне лес стал более плотным, сосны кое-где сменились мрачными разлапистыми елями, даже в светлые северные июньские ночи хранившими таинственный полумрак.

Кое-где среди деревьев выглядывали заброшенные деревянные строения. Раньше здесь была школа, но она закрылась несколько лет назад. А это – старый клуб, он держался подольше, но тоже сдался на милость урбанизации. Деревня постепенно теряла жителей, и её отдельные части будто отмирали за ненадобностью.

Вот появились и дома. Огней в них практически не было: заколоченные окна, тишина, не слышно даже собачьего лая. Только возле самой реки в двух соседних строениях ярко горел свет, и звучали неторопливые голоса.

Ребята остановили машины, и Тимка на правах здешнего жителя отправился к истинным аборигенам. О чём они говорили, слышно не было, но вскоре парень возвратился с довольным лицом и зажатými в кулаке ключами.

– Живём, братья и сёстры! Нам сдали сразу два дома! Вон там, возле леса и реки! – Тимофей неопределённо махнул рукой куда-то вправо, и ребята послушно загрузились в авто и потащились за самопровозглашённым Сусаниным.

Домики, хоть и давно пустовавшие, выглядели вполне пригодными для жизни. Мебель, покрытая слоем пыли, была крепкой и аккуратной, в шкафчиках нашлась посуда, у печурок лежали сложенные ровной горкой поленья, а на кроватях – солдатские одеяла и многочисленные разнокалиберные подушки.

– Выбирайте, кто и где будет обитать, – предложил Артём и тут же с размаху плюхнулся на кровать у окна. Та жалобно скрипнула, но выдержала.

Стоявшие в дверях ребята сразу же пришли в движение, словно кто-то запустил невидимый механизм. Любительница попугать публику Маринка вновь подала реплику:

– Вам не кажется, что всё это напоминает дурацкий фильм ужасов? Молодёжь прибывает в заброшенную деревню на отдых, а там...

– Во-первых, деревня не такая уж и заброшенная, а во-вторых, мы здесь не отдыхать собираемся, а спектакль репетировать. Работать! Лентяев сразу прошу на выход! – резко отреагировала Алиса на слова подруги. Звезде институтского разлива не терпелось войти в роль, к тому же эта роль была главной!

– Ну да, обстановочка самая подходящая! Лес, река, пустые строения среди деревьев... Может, ну его, этот спектакль, сразу фильм снимем? Где ещё такие шикарные декорации найдёшь? – Артём поднялся с кровати и двинулся по комнате, широко разведя руки.

Алиса мечтательно закатила глаза. Идея была действительно заманчивой! Местечко девушке понравилось своей дикой притягательностью, особенно заметной в пору белых ночей. Клочковатый туман, придающий таинственности, зеркальная гладь реки, в которой отражается противоположный берег...

– Кстати, а что на том берегу? – Алиса озвучила свои мысли вслух.

– Да вроде ничего, – откликнулся Тимка. Живя летом у бабушки, он никогда не задумывался над тем, чтобы переплыть реку: уж больно широкой она казалась мальчишке. Да ещё и, стыдно признаться, старики поговаривали, что в реке водились мавки – русалки, которые могли утащить человека на дно, если он заплывал слишком далеко. Вот Тимка и не заплывал. Да и плавал он так себе, если честно.

– А давайте днём сплавим? – тут же предложил Артём.

– Блин, ребята, мы сюда развлекаться приехали или делом заниматься? – Алиса капризно сдвинула брови и надула губы. Парни считали, что губы у неё были не совсем свои, но это её не портило. Видимо, «мастер-губодув» хороший попался.

– Конечно, делом! Вот сейчас, например, я хочу есть! За дело, барышни! – Тимка потёр ладони и первым схватил сумку с провизией.

После ужина Светлана решила прогуляться к реке, благо, берег был – рукой подать, а ночь – невероятно светлая, даже для середины июня.

Миновав дома, стоявшие у самой кромки воды, Света присела на перевёрнутую лодку, дно которой было сухим и выскобленным до золотистого блеска. Река, мерно качавшая на поверхности лёгкие хлопья тумана, невольно убаюкивала. Как зачарованная, девушка слушала её монотонный плеск и ловила взглядом отражение бледно-рыжей луны, испещрённой кратерами и оттого напоминавшей осколок полудрагоценного камня. Опала? Яшмы? Янтаря?

– Света, спаси меня! – невероятно громкий всплеск воды разрушил момент очарования, и прямо из лунного отражения в реке к ошарашенной девушке рванулась Алиса.

Мокрые волосы облепили овал алебастрово-белого лица примы студенческого театра, губы неприятно-синошного оттенка распахнулись так широко, что торчащие наружу зубы казались гораздо крупнее, чем на самом деле. Скрюченные пальцы скребли воздух так явственно, что Светлана невольно услышала отвратительный скрип. словно металлом по стеклу, подумалось девчонке.

Ощущение дежавю вонзалось в мозг сквозь этот фантомный скрип, и Света поняла, что пытается зафиксировать её память: конечно, сон! Тот самый, где она, как Алиса, хваталась полупарализованными пальцами за ускользающий воздух, перекрытый пластом земли...

Светлана начала задыхаться, глядя, как пытается выбраться из воды то, что имело облик Алисы. Ведь сама Алиса осталась в домике, это Светка помнила точно! Чёткая картинка мгновенно всплыла перед глазами: звезда местного пошиба с вечной капризной миной, укрытая одеялом под самый подбородок...

А здесь к Свете всплывало нечто бледное и холодное, и подбородок у этого существа неотвратимо смещался к груди, обнажая всё более и более удлиняющиеся зубы. И пальцы этой нежити продолжали скрести воздух, а рот – испускать вопль: «Света, спаси меня!»

Вот сейчас эта рука схватит Светку, словно клещами, и утащит вглубь реки, прямо к лениво качающейся на волнах яшмовой луне. И всё закончится, как в кошмарном сне: девушка лишится возможности дышать и покинет этот мир.

– Боже, как больно, как мне больно! – простонала Светлана, когда пальцы сомкнулись на её запястье. Готовая потерять сознание, девушка внезапно поняла, что пальцы тёплые, даже горячие и слегка шершавые, а жуткий облик Алисы рассеялся в сиреновой полумгле. Остался только лунный блин и встревоженное лицо Тимки.

– У тебя всё в порядке? Ты кричала, звала на помощь, – голос Тимофея срывался.

– Это не я звала, это она, – кивнула Света в сторону воды. Тимка обернулся туда, куда указала девушка. Никого.

Парень разжал пальцы и усадил девчонку на перевёрнутую лодку. Его взгляд неувовимо изменился, став не только встревоженным, но и недоумевающим. Светлана уловила на мгновение мелькнувшую в глазах спасителя алую искорку. «Как у того аиста», – подумала девушка. Где-то над вершинами деревьев прошелестела невидимыми крыльями огромная птичья тень...

– Угостишь чаем? – Тимка привёл Светлану к одному из обитаемых домов деревеньки. Хозяин жилища стоял в дверях, явно поджидая гостей: на бесстрастном лице не было и следа сна. Значит, следил? Светлана ощутила лёгкое головокружение: привет, паранойя? Наверное, бессонные ночи сессии не прошли даром. Отсюда и кошмары, и странные видения.

– Небось примерещилось чего? Не обращай внимания, здесь такое бывает, особенно в лунные ночи и у впечатлительных барышень вроде тебя, – широко улыбнулся хозяин дома, продемонстрировав заметную щербинку между передними зубами. Но глаза отчего-то остались ледяными. Впрочем, лица его это не портило, даже наоборот, придавало особой брутальности, и абориген показался Свете вполне привлекательным мужчиной. На вид ему было чуть за тридцать.

В чистой, по-спартански обставленной комнатке, где хозяин усадил студентов, было не то чтобы уютно, а как-то располагающе к расслаблению. Добротные лавки, широкая кровать, застеленная с педантичной аккуратностью (значит, точно не спал! – отметила про себя Света), на непокрытом деревянном столе – обычные гранёные стаканы в мельхиоровых подстаканниках, стеклянная сахарница с колотым сахаром, сушки...

Мужчина ушёл за чайником, а Светлана принялась отчаянно жестикулировать: мол, зачем мы сюда пришли?

– У хозяев есть чаёк с успокой-травкой. Сейчас попьём и пойдём спать. Забыл тебя предупредить: не надо по ночам гулять. Здесь особенное место, всякое примерещиться может, прав хозяин, – Тимофей произносил слова мягко, словно с ребёнком разговаривал. Светка терпеть не могла такую нарочитую манеру, но на этот раз отчего-то ухватилась за сказанное парнем.

Поёрзав на лавке, девушка ощутила бедром что-то твёрдое, лежащее в кармане джинсов. Кисет! Дедова передача какой-то здешней Варьке! Вспомнив недавнюю встречу на дороге, Светлана покрылась ледяным потом. Не много ли жутких случайностей за один день?

– Тим, а ты не знаком с какой-нибудь местной девочкой по имени Варя? – вопрос вырвался у Светы неожиданно для неё самой.

Тимофей, занятый раскладыванием сахара по стаканам, замер и поднял на собеседницу изумлённый взгляд. Такое выражение лица уже было у него сегодня. Словно почуяв, что его «считывают», молодой человек моментально заменил изумление в глазах на участие. И напел, копируя мотив популярной песенки про Элис:

– Варя? А кто такая Варя?

Светлана на секунду задумалась, стоит ли доверять парню, а потом, решившись, выложила:

– Мне сегодня на дороге какой-то дед, вышедший из тумана, передал кисет для Вари из этой деревни.

Тимофей застыл, уставившись на Светку и непрерывно смаргивая. Выглядел он в этот миг по-настоящему обалдевшим и немного смешным. Девушка заулыбалась, но тут в комнату вошёл хозяин с дымящимся чайником, прервав разговор.

«Дед из тумана? Хм... вышел ёжик из тумана... Бред какой-то», – Тимка отмахнулся от слов подруги, решив подумать о них позже. А Света опять забыла о передаче для загадочной Варвары. Благо, мешочек с пуговицей (или монеткой?) перестал давить на бедро.

Кстати, успокой-травка в чае оказалась самой обыкновенной мятой.

Утром студенты решили отправиться в заброшенный клуб, спрятавшийся на лесной полянке у края деревни. О ночном происшествии никто не вспомнил. Да и кому было о нём вспоминать? Мирно спящую Алису не посвятили в существование её водного двойника: пусть спокойно играет свою главную роль русалки! А в памяти самой Светланы всё будто слегка стёрлось, покрылось рябью нереальности. Может, это тоже был просто сон?

По дороге к фактурной заброшке ребята наткнулись на роскошную земляничную полянку. Девушки, само собой, изъявили желание полакомиться поспевающей ароматной лесной ягодой, а ребята двинулись к строению.

Увлёкшись добычей, Маринка и Светлана умудрились заплутать в трёх соснах. Света окликнула подругу: пора идти! Та отпустила легко прихваченный пальцами ягодный кустик, медленно распрямилась и повернулась лицом к товарке. Расслабленно улыбавшаяся до этого момента Светлана, взглянув на Марину, застыла от ужаса и раскрыла рот в беззвучном крике.

Нет, черты у существа, безусловно, были Маринкины. Но они едва уловимо изменились, потеряли фокус, словно расплылись. По-паучьи скрюченная рука нежити потянулась к Светкиному горлу, глаза вспыхнули рубиново-красными бусинами, а мерзкий голос, вырывающийся из теряющих человеческие очертания губ Марины, прогнусавил:

– Света, спаси меня! Спаси меня, С-в-е-т-а!

Именно так прозвучало в гулкой лесной тишине её имя: каждая буква по отдельности, старательно вытолкнутая языком, нелепо разбухшим и вывалившимся сквозь разрастающуюся щель рта. Лицо продолжало деформироваться, и Светка оглушительно завизжала и без памяти рухнула в земляничник...

– Свет, что с тобой? – конечно, это был Тимофей. Его тёплая, чуть шершавая ладонь на шее, нервно поглаживающая, но такая родная, его озабоченный взгляд и приглушённый голос... Светке внезапно захотелось обнять его и крепко прижаться к его широкой груди, спасаясь от ощущения только что пережитого ужаса. Девушка прошептала:

– Со мной всё в порядке. Вроде бы...

– Ты опять что-то видела? – голос врача или полицейского, а не обычного парнишки из театралки.

– Я уже сама не понимаю, что со мной происходит. Это какой-то кошмар! – Светлана разрыдалась, пряча лицо в ладонях и крупно вздрагивая всем телом, как поломанная кукла.

Тимофей даже не попытался поднять девушку с земли и прижать к себе. Он с непонятым возбуждением наблюдал за ней, пылливо вглядываясь в то, как дрожат плечи, как из глаз потоком льются слёзы, как ногти впиваются в кожу почти до крови... Или уже до крови?

– Прекращай, глупышка, – Тимка наконец обнял девушку и начал ласково поглаживать её плечи и целовать влажные щёки, едва касаясь губами заплаканного лица. Светлана подняла на парня изумлённые глаза и тут же закрыла их, захлёстнутая волной невероятной нежности. Это удивительное по силе чувство переполнило её и выместило весь накопившийся за последние сутки страх.

Лицо Тимофея тоже удивительным образом поменялось. Он поймал себя на том, что поцелуи становятся всё неистовее, и прохлада прикосновений превратилась в настоящий жар, от которого слёзы девушки высохли, а глаза заблестели, словно в лихорадке.

Ни фальши, ни ожидания, ни настороженности. Только он и она.

Стоп! Тимофей застонал и с трудом отстранился. Нельзя. Не сейчас. Никогда! Парню захотелось зарычать. Слишком много страха за последнее время...

Он с горечью глянул на расслабленное и почти счастливое лицо девушки. Лицо сонной кошки, обрамлённое спутанными волосами. О ней лучше всего сейчас говорило одно слово: обречённая.

– Ну что, все в сборе? – Алиса несколько раз отчётливо ударила в ладоши, и в зале воцарилась тишина. – Давайте, наконец, репетировать. У кого сценарий?

– У Тимохи, – ухмыльнулся Артём. Сценарии отчего-то всегда были у Тимофея. Кажется, он знает их наизусть и может легко дирижировать судьбами актёров на сцене.

Здесьняя сцена была лёгкой на вид, словно остов полуистлевшего корабля. Сквозь рассохшиеся доски пола и стен свободно проникали лучи солнца, отчего зал казался расчерченным золотисто-коричневыми полосами. Лица ребят, рассеявшихся в зале, сияли в этих лучах,

создавая иллюзию одухотворённости. Откуда она – одухотворённость – у современных шалопаев?

– Итак, Алиса у нас – предводительница русалочьего племени здешней реки. Её предал Артём, и она избрала судьбу вечной мстительницы. Русалки встречаются новенькую танцем и ликующими песнопениями. На сцену, нечисть речная! – теперь захлопал в ладоши Тимка, подгоняя встрепенувшихся девчонок.

На подмостки вспорхнули четверо: три «рядовые» русалки и четвёртая – сама Алиса, сияющая от восторга.

– Я не пойму: это тебя перспектива вечно в холодной воде сидеть, хвостом щёлкать так радует? – подал из зала голос изменщик Артём. Все с готовностью хихикнули, и на сцене закурился русалочий танец.

Девушки не зря проводили время на занятиях по сценическому движению, отметил Тимка. Казалось, танцовщицы просто парят над полом. Красота происходящего на сцене завораживала, и Тимофей не сразу заметил, что творилось в зале.

Светлана не участвовала в танце: её роль начиналась позже, с Артёмом, и они сидели чуть поодаль, в полумраке, глядя на девчат. Вернее, так было поначалу.

Потом с Артёмом начало твориться нечто странное. Он словно одеревенел, а после развернулся к Светке, протягивая обе руки и свистящим голосом повторяя одно и то же: «Света, спаси меня!» Глаза парня налились красным и закатились под веки, нижняя челюсть постепенно уползала вниз, обнажая удлинившиеся зубы. Руки уже нашарили горло оцепеневшей девушки, и пальцы впились в него, сдавливая нежную плоть.

Светлана хотела закричать, но смогла издать только слабый хрип.

Тимофей сорвался с места, перепрыгивая через кресла сразу нескольких рядов зала наперез существу, бывшему Артёмом, и одним движением оторвал его от Светки. Девушка откинулась в кресле без сознания, монстр разочарованно заверещал и, словно нехотя, вернулся к человеческому обличью, а Тимка рявкнул: «Не смей! Не сейчас!»

Только вот никакой это был не Тимка. Глаза его разъярённо сверкали, плечи заметно раздались вширь, а от фигуры исходили ощутимые волны мощной энергии. Длилось это буквально секунды, а потом резко сошло на нет, оставив в памяти свидетелей едва заметный след. Где-то там, на самой окраине подсознания, куда до поры до времени (а чаще – навсегда) складываются полузабытые моменты...

«Русалки» на сцене испуганно жались друг к другу, но тут по золотым солнечным лучам стремительно скользнула тень огромной птицы, и выражение их лиц тут же стало обычным. Абсолютно таким же, как до нападения Артёма на Светку. Впрочем, было ли оно вообще, это нападение?

Репетиция не заладилась. Если бы ребятам рассказали, что произошло в заброшенном клубе, они наверняка бы подняли «просветителя» на смех. Жуткий момент будто вырезали из киноплёнки их жизни. Но лёгкий, грациозный танец русалок перестал быть таким, ноги девушек заплетались, актрисам хотелось не плясать, а смеяться. И они, упав на сцену, расхохотались, любуясь вызолоченными в солнечных лучах пылинками.

– А пойдёте купаться, – предложила вдруг Алиса, до этого больше всех ратовавшая за необходимость чуть ли не круглосуточных репетиций.

– Кто за? – Артём вскочил на сцену, подняв обе руки.

– Все! – перебивая друг друга, закричали студенты.

За них всё решил жаркий летний день, дразнящий легко проникающим в помещение солнцем. И ребята, забыв про данные самим себе обещания трудиться до захода солнца, гурьбой рванулись к реке.

Следом медленно вышла Светлана. Она неодобрительно отнеслась к выходке Алисы. Прокрастинация не была её слабой стороной, Света предпочитала делать всё вовремя. К тому же, сегодня как раз впервые должны были репетировать сцену измены Артёма главной героине – чаровнице Алисе. А виновницей прелюбодеяния была она, Светлана!

Ей никогда в жизни не доставались ведущие роли, пусть даже злодейки. Поэтому девушка искренне радовалась возможности продемонстрировать свой артистический талант, в котором сомневались все: от сокурсников и преподавателей до самой будущей актрисы. Светлана нутром чуяла, что именно сегодня у неё получилось бы избавиться от зажимов и блестяще отыграть хищную соблазнительницу! Не зря же Тимка называл её кошкой! Ну да, пусть сонной, но ведь кошка могла проснуться!

В серо-зелёных глазах девчонки промелькнула обида. Она вдруг поняла, почему Алиса злится, когда ей не дают проявить себя на сцене, почему девчонки хватаются за каждую возможность принять участие в институтских постановках, пусть с каким-нибудь нелепым «Кушать подано!»

– Я стану звездой, чего бы это мне ни стоило! – провозгласила Светлана.

Эту спонтанную клятву услышали и старые узловатые сосны, окружавшие поляну, на которой возвышался клуб, и заросшие травой скамейки, и два аиста, незаметно сидевшие чуть поодаль всё в той же траве. Глаза одного из них цветом напоминали ягоды земляники, пятнавшие траву тут и там...

Света двинулась к берегу в надежде встретить Тимофея. У неё появилась идея: раз уж он взял на себя миссию сценариста, может, сделает её роль более объёмной и заметной? Ведь грамотно прописанный и отыгранный злодей – несомненная находка для любого произведения!

Девушка в мечтах уже видела себя на первых ролях. Сонная кошка, клубком свернувшаяся внутри неё, широко распахнула глаза и грациозно потянулась всем телом...

Светлана запнулась об узловатый корень сосны, тянувшийся поперёк тропинки. Сердце испуганно забило от неожиданности, и это слегка отрезвило мечтательницу. Стёршееся было на фоне внезапного интереса к актёрству чувство дежавю пронзило мозг с новой силой.

Она словно проживала чью-то чужую жизнь... Или играла чью-то роль? Света нахмурилась и непроизвольно потёрла ладонью горло. Что происходит?

Светлану незаметно окружили партнёры по спектаклю. Только выглядели они немного странно: сквозь их обнажённые тела можно было разглядеть реку.

– Пошли с нами! – радостно рассмеялась Алиса, сверкая слишком белыми зубами.

– Пошли, пошли, не стой! – поддержала её серебристым залившимся смехом Маринка. Она протянула руку к Свете и схватила её за запястье. И снова дежавю: скользкие ледяные пальцы... Марина повлекла подругу за собой, продолжая хохотать.

– С нами, пошли с нами! – вторили Марине Даша и Настя, ощутимо подталкивая Свету в спину по направлению к кромке воды.

– Ты наша, наша! Не отпустим! – разошлась Алиса. Голос её торжествующе возвысился, а руки начали торопливо срывать со Светы одежду. Как ни сопротивлялась девчонка, но силы были неравны.

– Стойте! Что вы делаете! – отчаянно закричала девушка, пытаясь вырваться из цепких рук нападавших. Но те только громче смеялись, безостановочно танцуя вокруг избранной жертвы. Совсем как там, на сцене, легко и красиво. По-русалочки!

Русалки! Вот кого напоминали преобразившиеся студентки! Эта мысль всерьёз напугала Светлану. Девушка не представляла, существуют ли русалки на самом деле, чего боятся и как поступают с людьми. Все её познания были на уровне детских страшилок. Защекочут насмерть. Закружат. Утащат в омут...

А ведь Тимка говорил что-то о здешних русалках, припомнила Света. Или не говорил? Или это она сама выдумала? Ведь в пьесе, которую они репетировали, русалки отомстили разлучнице за связь с чужим женихом. А разлучница кто? Она, Светлана! Ещё и радовалась такой яркой роли, хотела сделать её ещё более выпуклой! Дура!

Оставшись без одежды, Светка ощутила себя абсолютно беззащитной. Ледяные пальцы русалок скользили по её телу, трепетали, словно крылья бабочек, заставляли дрожать в мелких конвульсиях. И неумолимо увлекали к воде...

Света погружалась в реку: по щиколотки, по колени, по пояс...

Потом вода забурлила, и навстречу русалочьей кавалькаде вынырнул Артём. Света узнала его, несмотря на то что стал он мускулистым длинноволосым гигантом с золотистыми глазами с кошачьими зрачками-щёлками.

Он легко схватил Светлану за горло когтистой то ли рукой, то ли лапой и одним движением увлёк в самую глубину, где не было места ничему человеческому, ибо не было возможности дышать...

Откуда-то сверху, из широкого луча света, пронзающего мутную воду, к ней протянулась чья-то рука. Светлана из последних сил ухватилась за неё немеющими пальцами. Спаситель легко перехватил её за предплечье и потянул кверху. К свету. К жизни. Светка наконец сделала отчаянный глубокий вдох. Спасена!

Девушку усадили на скамью в добротной лодке, выскобленной до солнечно-золотого цвета, и укрыли чем-то вроде льняной скатерти. Благодарно улыбнувшись, Светлана плотнее закуталась в ткань. Дрожь постепенно утихла, без пяти минут утопленница согрелась и попыталась осмотреться.

Она помнила эту лодку: её хозяин напоил их с Тимкой чаем с мятой. Кстати, а где Тимка? Его не было с тех самых пор, когда девчонки прекратили репетицию и отправились купаться. Светка поёжилась: купание каким-то образом обратило их в водяную нежить. Сияющие холодным янтарём глаза, ледяные руки с доводящими до безумия щекочущими пальцами, смех, похожий на звон монет...

Откуда-то сверху упала монета. Большая, серебристая, тяжёлая, призывно сверкнувшая под лучами низко висящего вечернего солнца и светлеющей напротив него луны. Светлана подняла её и быстро глянула вверх. В сторону противоположного берега, лениво взмахивая широко распахнутыми крыльями, летел аист.

– Ну что, красавица, куда тебя доставить? – знакомый вкрадчивый баритон хозяина лодки неожиданно ворвался в замутнённое сознание девушки и заставил её вздрогнуть.

– Решай, – второй голос, более низкий, прозвучал так, словно пассажирке следовало поторопиться.

– К берегу, – сипло отозвалась Светлана.

– К какому? – вопрос поставил в тупик. Страшно возвращаться туда, где её закружили в смертельном хороводе хохотушки-русалки. И аист, стоящий на дальнем берегу, казался таким манящим...

– К тому, где нет деревни, – решительно взмахнула рукой Света.

– Будь по-твоему, – усмехнулся второй. Он был чуть старше брата, а в том, что её спасли братья, девчонка не сомневалась: уж больно похожи они были и статью, и слегка отрешёнными лицами.

Младший взялся за вёсла, и лодка легко заскользила по зеркальной поверхности реки, рассекая отражения дневного и ночного светил, одинаково бледных и нереально огромных. Ощущение какой-то неправильности происходящего не покидало Светлану: она словно продолжала играть роль в страшной сказке.

Может, поэтому её не шокировало, когда из соды стремительно вынырнула полупрозрачная блондинка и ухватилась когтистыми пальцами за борт лодки. Хозяин опустил вёсла и наклонился к незваной гостье:

– Чего тебе, нежить речная?

– Я Варя, я хочу обратиться к душе, что вы в лодке перевозите, – отозвалась русалка. В её голосе звенели серебряные колокольчики, и Светлана ощущала скорее любопытство, чем страх.

– Ну обращайся, если она захочет тебя выслушать, – мужчина отстранился и повернулся к девушкам спиной. Он словно имел какую-то странную власть над местной нежитью.

А Света, услышав имя Варя, похолодела. Она вспомнила деда, вышедшего из тумана и протянувшего ей мешочек, предназначенный как раз для Вари. Может, это и она есть? Да только не было у Светланы мешочка, остался он в кармане джинсов на берегу реки. На том, где деревня...

Значит, нужно разворачивать лодку? Девушка судорожно сжала кулаки. В одном из них была зажата монетка!

– Девушка, милая, молю тебя солнцем и луной, отдай монетку! Тошно мне триста лет русалкой маяться, хочу к берегу вечного покоя пристать, душу погубленную у Перевозчиков выкупить. Сегодня Семик, может, смилуется он надо мной, не станет губить! Спаси меня, умоляю! – Если колокольчики могут звенеть с болью, то голос Вари звучал именно так.

Светлана поняла, что аист принёс ей монетку из мешочка. Ту самую, Варину. И она, как зачарованная, медленно протянула русалке серебряный диск. Тот выскользнул из пальцев на протянутую из воды ладошку, и тело водяной гостьи сразу уплотнилось.

Один из братьев обернулся к Варе, забрал у неё монетку, а потом помог несчастной забраться в лодку и поприветствовал странными словами:

– Ну, здравствуй, Варя! Знал я, что сегодня нам вдвоём с Мироном надо в путь отправляться, ибо две души провожать придётся. Так и получилось. Давай, братец, гребь, берег уже недалече.

Остаток пути проделали молча. Солнце уже спряталось за деревьями, и луна стала ярче. Лодка с глухим стуком ткнулась носом в землю, старший брат соскочил на берег и подал руку сначала Варе, потом – Светлане. Когда обе девушки ощутили под ногами твёрдую почву, перевозчик взошёл на лодку, обернулся к ним, взмахнул рукой и сказал:

– Меня, кстати, Харитон зовут. Впрочем, это вам уже ни к чему знать. Прощайте!

И лодка скользнула в реку. Глаза братьев в последний момент сверкнули как-то не по-человечьи, в них словно отразился оранжевый лунный свет.

– Харитон и Мирон... Харон! – похолодев, прошептала Светлана.

– Ну да, Перевозчики это, души на берег вечного покоя доставляют. Прощай, спасительница, пора мне. Я и так здесь задержалась, – с этими словами Варя подняла руки кверху, слегка подпрыгнула и вдруг снова стала полупрозрачной, будто сотканной их миллионов золотистых пылинок, а потом и вовсе рассеялась в полумраке белой ночи.

И тут до Светланы дошёл смысл вопроса о том, к какому берегу грести. Назад или вперёд. Жизнь или смерть. Выбор сделан. Значит, смерть? И она сама её выбрала?!

Словно в подтверждение её мыслей, девушка вдруг ощутила, как зашевелилась земля вокруг ног: сначала медленно, словно вздыхая, потом всё быстрее и быстрее. Светлана заметалась, пытаясь вернуть свои мысли в рамки реального мира, оставленного где-то далеко, на полпути в деревеньку... Что же сейчас будет? Её засыплет землёй, как в повторяющемся кошмаре?

Из-под земли выросли кресты. Деревянные, потемневшие от времени и поросшие лишайником. Они закачались, а после замерли, как вкопанные. Впрочем, почему как? Они и были

вкопанными. Светка истерично рассмеялась, но тут же захлебнулась смехом и смолкла. Потому что к каждому кресту прилагалось то, что делает наличие этого креста объяснимым: могила.

Могил было шесть. Светлана медленно обошла каждую из них и прочитала надписи на табличках, прикрученных к крестам ржавой проволокой. Это были последние пристанища их артистической компании. Артём, Алиса, Марина, Даша, Настя... Шестая могила принадлежала Варе.

То, как резко и неожиданно могильные холмики «выросли» из-под земли, навеяло Светке мысль о том, что русалок на противоположном берегу больше нет. Мертвы, прощены, упокоены?

...Сзади на плечо девушки легла рука. Светлана подпрыгнула от неожиданности. Пронзительный вопль разорвал мёртвую тишину побережья...

– Покричала – и будет, – спокойный голос за спиной явно принадлежал человеку. Хотя она не могла утверждать это со стопроцентной уверенностью, потому что узнала неспешный говорок. Дед, отдавший её мешочек с искупительной монеткой для Вари. Вышедший из тумана и вернувшийся обратно. Света увидела, что могильные холмики затянуло непроглядным туманом.

– Негоже мёртвых беспокоить, особенно сегодня. Семик ведь, день поминовения не своей смертью погибших. Русалий день, по-иному. Вот и разгулялись они, русалки-то. В это время они и человека к себе утащить могут, и сами в люди вернуться. Пусть в мёртвые – но в люди. Как Варенька. Спасибо, что ты ей монетку передала, чтобы с Перевозчиками рассчитаться. Хорошая она девушка была, да сбили её с пути истинного. Ну да ладно. Расплатилась за всё, человеческую смерть приняла, мир её душе, – дедок говорил неторопливо, поглаживая притихшую собеседницу по плечу.

И вдруг Светлана поняла, что земля, река, могилы остались далеко внизу, а сама она вместе с загадочным дедом поднялась над деревьями. Да и не дед это вовсе был: рядом, поглядывая на девушку красным глазом, летел огромный белый аист. И сама Света аистом обратилась! От этого непонятный восторг переполнил её нутро: надо же, крылья держат, вперёд несут! Вот оно какое, чувство полёта: ярче жизни и больше смерти!

Старый аист целенаправленно летел к заброшенному клубу. Вместе с напарницей они сели на конёк крыши, глядя сквозь щели внутрь. В помещении горел свет, на сцене в диковинном танце кружились Даша, Настя и Марина, а на переднем плане стояли... Артём и Варя!

Светлана жадно вглядывалась в их лица, по-настоящему влюблённые и оттого как-то по-особенному одухотворённые. Они смотрели друг на друга и с искренней лёгкостью произносили слова сценария, потому что эти слова были правдой и шли от сердца.

В темноте зрительного зала одиноко сидела Алиса. Она так же, как Светлана, жаждала стать разлучницей. По роли? Как оказалось, и по жизни. Вспорхнув на сцену, девица с грацией дикой кошки ластилась к Артёму, смотрела на парня так, что мёртвый бы не устоял... Мёртвый? Выходит, свой спектакль в новом составе они играли уже мёртвыми?

Светке, следящей за происходящим в обличье аиста, казалось, что она смотрит фильм в ускоренной перемотке. Она поняла: ей показывали прошлое, раскрывали правду и давали возможность узнать ответы. Но пока она не знала ответ на главный вопрос: почему именно она? Ведь её не было в этой компании!

А внизу – торжествующий смех Алисы и горькие слёзы Вари, её отчаяние, когда Артём уединился с новой дамой сердца.

Потом аисты вновь взлетели и опустились на ветку ели возле берега реки. Вновь сцена между Алисой и Варей: роль? жизнь? – непонятно!

Когда Варя бросилась в реку и поплыла, старый аист придвинулся ближе и тихонько сказал:

– Всё это произошло два года назад и не здесь. Этого места, как бы тебе сказать поточней, в природе вовсе не должно существовать. Оно находится на перекрёстке. Здесь можно увидеть всё про всех и искупить всё. Или почти всё. И здесь всему итог. Знаешь, как называется речка? Смородина! Ты правильно догадалась про братьев. Это Перевозчики душ на берег вечного блаженства. Он един для всех, а вот соседний берег может быть где угодно. Этот – там, где репетировали ваш спектакль. И дорепетировались до шекспировских страстей. Варя уже, кстати, утонула... Но утонула неудачно: в русалью неделю. Вот и приняли её русалки в стаю. И как с обидчиками расправиться, научили. Смотри!

Внизу Варя в хороводе таких же, как она, полупрозрачных дев увлекала в речной омут предателя Артёма. Алиска, вся в слезах, металась по берегу. Русалки вернулись и за ней, не пожалели, не помиловали... А Маринка, Настя и Даша, пытаясь уехать на машине из страшного места, отчего-то не вписались в поворот и рухнули прямо в реку.

Их считали пропавшими без вести...

Светлана, потрясённая, обратилась к деду:

– А мне-то можно человеком снова стать?

– Не знаю теперь, можно ли. Ты ведь вообще не из этой истории. Тебя Пастух погубил. Он тогда тоже человеком был, да только настоящим убийцей, душителем. Отвёз тебя за город и похоронил у обочины. Земелькой засыпал. А ты живучей оказалась, до сих пор в коме лежала, в себя не приходила. Из наших ты, Светлана, оказалась. Из тех, кто вечно между небом и землёй бродит, порядок наводит. Из аистов. Мы, аисты, от нечисти людей оберегаем. Я, как мог, тоже тебя берёг. А ты, пока себя не осознавала, в чужие истории вторгалась, чужие жизни проживала, чужие смерти оплакивала, души спасала. Сейчас вот целую компанию из небытия на берег вечного покоя вывела.

А он, погубитель твой, другой породы. Как только узнал, что ты жива, попытался в больницу проникнуть, добить, чтобы ты его не опознала, когда очнёшься. Там его и пристрелили. А он тоже бродягой оказался. Дали ему на нашей половине простую работу: души неприкаянные пасти, пока их до финала не доведут. Он пасёт, даже пытается иногда процессом управлять, да только куда ему. Пастух, он и есть пастух. Какой из него режиссёр? Да ты его знаешь, девонька!

– Тимка? – ахнула Светлана.

Мир завертелся перед глазами...

...Она изо всех сил пыталась выбраться из-под земли, сыпавшейся сверху непрерывным потоком. Руки судорожно пробивали путь на волю, к свету, но движения их становились всё больше похожими на конвульсии; скрюченные пальцы уже не слушались хозяйку, а воздуха катастрофически не хватало. Но вот земля сомкнулась над ней, и из груди несчастной вырвался последний приглушённый крик...

Светлана вскрикнула и открыла глаза. Ослепительный свет заставил её зажмуриться. Свет... Жизнь... Девушка услышала слабый стук со стороны окна. В стекло со стороны улицы, едва удерживая равновесие на карнизе, заглядывал большой белый аист с красными глазами. Увидев, что Света пришла в себя, он расправил огромные крылья и, сделав круг над больничным садом, взмыл в высокое июньское небо.

Много нечисти кругом стало. Есть чем аистам заняться...

Алесь Поплавский

«Рассвет твой слишком тих и неподвижен...»

А. М.

Рассвет твой слишком тих и неподвижен,
который год не дальше и не ближе,
и, видимо, не лучше и не хуже
того, кровоточащего снаружи.
Мы встретимся когда-нибудь, конечно,
на этой дальней станции конечной —
два странных посторонних: некий с некой,
повенчанные скорбью с этим веком.
Две вычурные, выцветшие тени.
Два призрака из божьих сновидений.
Смешные, как нашкодившие дети,
виновные во всех грехах на свете.
Коснётся луч довременный багровый
бумажных наших лиц перстом Христовым,
смотрящих в ночь с пожухлых фотографий —
забытых, без имён и эпитафий.
Ни тени суеты, ни тени фальши.
Ни нас живых, ни видимостей наших,
а только межевые аватары
в фамильных и чужих альбомах старых...

Осеннее

Снимаю обувь – поступь чужака...
Вхожу в пространства чаш, как внутрь святыни.
Диктат штрихов и суতোка линий
на омрачённых выцветших шелках.
Ни стихарей за так, ни риз взаимы,
ни золотых кадилниц с фимиамом...
Тоскует лень в чашобных здешних храмах,
где пели дни хвалебные псалмы.
Моих небес не выплачет сентябрь,
вплетая в круг начал своё начало.
Оставьте мне хотя бы эту жалость,
из лета в осень утром выходя.
Оставьте мне хоть толику тепла,
подайте откровенно, не из лести,
сны спящих солнц к полуденной сиесте
в растрескавшихся вышних зеркалах.

«Никаких золотых чертогов...»

Никаких золотых чертогов,
лишь у паперти дни вразброс.
Я любимцем не стал для Бога:
с фаворитов особый спрос.
Небезгрешен, но и недёшев,
чтобы в омут, как в прорву зим...
Я не буду Всевышним брошен,
коль целован был в детстве Им.
Всё изнашивается – раньше, позже,
впопыхах ли, почём мне знать,
я давно – человек невхожий
в эту здешнюю благодать.
Словно ноющей давней болью,
этот скомканный мир средой
внутри вползает меня фривольно,
как в перчатку твоя ладонь.
Вот и всё, что уже осталось —
молча в сердце тащить своём
эту скомканность, словно жало,
из невежества в забытьё.

Чистота

Отпускаю фантомные грёзы.
И дыханьем сушу твои слёзы...
Незаметной морщинкой у рта
вековая тоска пролита.
И, как тысячи прочих похожих,
в этой тьме, в этих храмах безбожий
примеряю, пространства тесня,
очертания Спасова дня.
Ты была там!.. Ты помнишь? «Варавва!» —
исходила слюною орава.
Кто любил нас с тобой, тот распят.
Ну а эти доселе вопят.
Не Христос, омывающий ноги,
был вовеки понятным им многим,
а удобней Его во стократ
умывающий руки Пилат.
С той поры, с той минуты, похоже,
на прозрачной, обёрточной коже,
словно чьё-то чужое тату,
носим все мы его чистоту.

Лето рыжих

*Впрочем, рыжими были и кудри мадонн Боттичелли...
Игорь Хентов, «Вивальди»*

Чьей-то грустью нездешней портретной
выскользаю из кущи ночной
в это лисье тревожное лето,
в этот рыжий заутренний зной.
Шаг за шагом смелей и теснее
льнёт к моей не моя колея,
словно упряжь чужая на шее,
несвобод моего бытия.
Забывая, что Бог шельму метит
золочёным тавро испокон,
прусь опять в одиночества эти
опрометчиво, как на рожон.
Вглубь толпы, в телефоны смотрящей,
где любому уже не хитро
заблудиться в чужом настоящем
на вельветовых лентах дорог.
В эпицентрах безумного движа,
где незримые духи огня
жгут на жёлтых кострах лето рыжих
в двух шагах за спиной у меня...

Странники

Время течёт сквозь пальцы,
сквозь тишину на пяльцы,
вслед за иглой с ниткой,
словно со старых свитков,
тень на канву ложится...
В небе повисла птица.
Утро в пространство вдето.
Вянет под солнцем лето.
Спутанных трав щетина.
Путник бредёт долиной.
Нитью у ног дорога.
В блёклых глазах тревога.
Мышечный спазм испуга.
Слышим ли мы друг друга?..
Кто ты, прочь уходящий,
имя моё носящий,
мнимый и сущий?.. Боже!
Как мы с тобой похожи —
странники без позыва
в таинства по извивам
брошенной кем-то нитки
к запертой тьмой калитке!..

Изнутри

День за днём низводя, как с небес нисходя
по неровностям струй золотого дождя
в тишину, где живо ещё эхо
безмятежного детского смеха.
Или просто во тьму безрассудных ночей,
как всегда, невесть с кем и незнамо зачем,
каждый миг в пух и прах выгорая
в тщетных поисках присного мая.
В ожидании слов сопричастности с тем,
что само по себе, что во всём и ни с кем,
вытесняя грядущее утро
изнутри одиночества будто...

Красная луна

Не зная, как могло быть и как надо,
я дни свои от прочих оттенял,
выменивая грусть свою на радость
в безлюдных подворотнях у менял.
В одной руке журавль, в другой – синица,
и в то же время – сам себе чужой,
прижившийся на маминых ресницах
пожизненной, невысохшей слезой.
Стирая декорации и лица
со сцен вневременного бытия,
как вычурные выкройки из ситца,
обтрёпывались годы по краям.
Изнашивались старые надежды,
раскрадывались смыслов образцы...
И жизнь уже не балует, как прежде,
а слишком цепко держит под уздцы.
Как в кои веки в прорве небосвода
разглядываю красную луну...
И где-то далеко в нейтральных водах
мой призрачный корабль идёт ко дну.
Трепещет скудный свет у чёрных впадин,
и кажется, что это под водой
мои слегка неряшливые пряди
разглаживает мамина ладонь...

Капля

Я святости учился у дождей,
читая, как магические руны,
начертанные рябью на воде
сакральные послания фортуны.
Я радость черпал точно не из Вед,
мечтая быть у благости в фаворе...
И чьи-то тени скалились мне вслед,
нашёптывая зло: «Ты капля в море!»
Я молча утирался тишиной —
неважно, кто и что в бреду пророчит.
Но если быть мне каплей суждено,
то только той, что камни стойко точит...

«Смятением внутрь проростаю извне...»

Смятением внутрь проростаю извне,
за ложь, как за правду, в надежде цепляясь,
в бесплодной утробе, у самого края,
оставшись один на один в тишине
с немым отраженьем в незрячем окне
под скомканным тюлем, как мушка под веком,
застигнутый, точно врасплох, этим веком
в безумном чужом летаргическом сне.
Где каждый расслышанный голос фальшив,
где дни вырождаются в фарсе и глуме,
где я, словно зомби, внутри уже умер
и только снаружи пока ещё жив...

Ольга Бажина

Две Незнакомки

Поэта перо и художника кисть
Оставили образ прекрасный нетленный,
И оба в твореньях своих вознеслись
До вечных высот необъятной Вселенной!

Где женщину эту поэт повстречал?
Кокотка она иль Прекрасная Дама?
Во взгляде узрев безысходность, печаль,
Сокрытые тонкой вуалью упрямо,

Создавши её в дистимии* пору,
Играя и звуком, и рифмой, и словом,
И двойственность образа вставив в игру,
Его видя демоном сине-лиловым,

Он дихотомию** добавил пером,
Разврат с добродетелью слив воедино
В сражении вечном меж злом и добром —
Меж Демоном с Богом-Творцом поединок!

Но русский художник Илья Глазунов
Графическим соусом*** и акварелью
Свою Незнакомку из питерских снов
Призвал, приподняв над греховной панелью!

С тех пор мир гадает, кем в жизни была
Созданье бессмертное гения Блока,
Которая двум вдохновенье дала,
Прекрасною Дамой иль Дамой порока?!

**В это время Александр Блок находился в состоянии дистимии (или глубокой депрессии) – жена Любовь Менделеева временно ушла от него к Андрею Белому, но позже вернулась.*

***раздвоенность*

****соус – графический материал художника на основе глины (что-то, похожее на сажу)*

Сентябрьский день последним солнцем тёплым...

Сентябрьский день последним солнцем тёплым
Ещё старается умыться впрок,
А скоро дождь расплатится по стеклам,
Накроют тучи небо пледом блёклым,
Ненастье, холод лягут на порог.
Порой тоскливой сплинно-меланхольно
Обнимет осень землю до поры
И, раздевая деревья невольно,
Ветрами скальп снимая с них невольно,
Зальёт листвы горящие костры!

Августовский этюд 1

По солнечным прорехам на дороге
Средь августовских кружевных теней
Шагает Муза, не жалея ноги,
И я стараюсь попевать за ней.
А лес листвы звучаньем напевает,
Что лето не кончается пока.
Хоть солнце потихоньку остывает,
Но согревает облаков бока,
Пыльцу бросая редкой позолотой
Пока ещё по зелени листвы,
Но сплин ползёт минорной серой нотой
На нотный стан небесной синевы!

Петербургские коты

Смотрят зорко во все стороны
Стражи Тауэра вóроны,
Чтоб не допустить анархию
В англосакскую монархию!
Как зеницу ока птицы
Бдят жизнь Лондона-столицы!
И у нас в России тоже
Кое-кто на них похожи!
Только это не пернатые,
А усатые, мохнатые,
Распушившие хвосты
Петербургские коты
Гладкошёрстные, пушистые,
Непокорные, ершистые,
Чёрно-рыжие и белые,
И ответственные, смелые,
Потому что понимают,
Что культуру охраняют!
И мяукая, не ноя,
Как ковчег когда-то Ноя,
День и ночь стоит на страже
В Невской лавре, Эрмитаже,
На защите всей культуры
И родной литературы,
И родного языка,
И наследья на века
Это войско боевое
Кóшечье-сторожевое!

Натянуло солнце тетиву...

Натянуло солнце тетиву
И пустило с неба стрелы-лучики.
Рассыпаясь искрами в траву,
Заплясали золотые лютики!
Капельками падали с небес
Незабудки на луга безбрежные,
И, объятая распахнувши, лес
Диктовал мне рифмы, строчки нежные!

Июньский вечер в лесу

Скользит вечерними лучами по макушкам
Лесных деревьев, вниз спускаясь по стволам,
Июньский вечер и, скитаясь по опушкам,
Он прячет свет дневной последний по углам.
И мглой туманною на землю опускаясь,
Зарёй закатной задержаться здесь не прочь,
Но только звёзды, постепенно распускаясь
На тёмном небе, вдруг включают ярко ночь!
И из чертогов фантастической Вселенной
С волшебным светом появляется она,
Та, что была когда-то названа Селеной,
Царица ночи – полнолицая луна!
Пульс учащается, становится тревожно
Любому даже в этот прагматичный век,
И в полнолуние поверить в то возможно,
Во что не верит просвещённый человек!

Уютный вечер

Когда на улице и серо, и дождливо,
И вор-разбойник лезет нагло под пальто,
И фонари глядят на улицу тоскливо,
На город небо дождь струит сквозь решето,
Я или с книгой скоротаю тусклый вечер,
Иль в интернет нырну, как дайвер, с головой.
И поведёт меня компьютер, как диспетчер,
По бездне-сети виртуальной, неживой!
Сквозь тюль напротив тускло светятся окошки,
В домах людские тени лёгкие снуют,
А у меня тепло под боком дремлют кошки
И дарят мне свою любовь и с ней уют!

Царица русского стиха Мирра Лохвицкая

Грех, скромность, свой талант в союз
Смогла связать царица муз.
Словами под перстами Мирры
Заговорили струны лиры.

Внутри клокочущая страсть,
Не позволяя Мирре пасть,
Лилась рифмованным потоком,
Что стал впоследствии истоком

Двух поэтических талантов
Двух серебрянок-бриллиантов,
Любви ярчайших благовоний
И поэтических гармоний!

Унынья Мирра не терпела,
Свой символизм пером пропела.
Сиянье дня со мраком ночи
Сливалось в ней, рождая строчки,

Дышало рифмами и светом,
Зажжённым женщиной-поэтом!
И в тридцать шесть уйдя во тьму,
Не рассказала никому

Про тайный с Бальмонтом роман.
И правда это или обман,
Меж литераторами спор
Не прекращается с тех пор!

Любви непорванная нить

Письмо А. С. Пушкина Наталье Николаевне из вечности

Любезный друг, моя Наташа,
Мой ангел чистой красоты,
Людьми судьбы разбита чаша,
А виноватой стала ты!
Тебе, любви моей нетленной,
Злым толкам, сплетням вопреки
Несу любовь от всей Вселенной,
Касаясь трепетной руки.
На боль душевную, страданье,
На осужденье обрекли
Тебя, небесное создание,
Лишь потому, что не смогли
Смириться с чистотой небесной,
Тебе подаренной Творцом,
С твоим подобием чудесным
Мадонне ангельским лицом!
И болью сердце мне сжимает
Моя невольная вина,
Что мир меня не понимает,
Что ты навек моя жена!
И как бы ни пытались люди
Тебя, безвинную, клеймить,
Меж нами и была, и будет
Любви непорванная нить!

Снегурочка

Акrostих (сонет)

Снегурочка в сказке Островского тает,
Но разве не тает так каждый из нас?!
Едва лишь любовью твой день рассветает,
Готово расплавиться сердце тотчас!
Услышав лишь Леля призывные звуки,
Рождаются песни, романы, стихи,
Обрекши сердца на любовные муки,
Что были недавно для чувства глухи!

Как сложно расслышать среди них откровенье,
А после не дать раствориться мгновенью!

Ассоциация к картине И. Крамского «Неизвестная»

В юности, когда я смотрела на эту картину, мне казалось, что это Анна Каренина в последний час своей жизни.

Снег и метель, и Бологое,
И сердце женское нагое
Пред высшим светом равнодушным,
Жеманным, пошлым и бездушным.
В капкане ревности и фальши,
Не понимая, что же дальше,
Она, в костре любви сгорая
И смертью будущность стирая
В судьбы главе своей финальной,
Готова к муке inferнальной!
Всё потеряв, что так любила,
Она сама себя убила,
От безысходности спасая,
Свечой безверья угасая!

Осенний этюд 12

Заключившая с Летом пари,
Что тепло сохранится пока,
Осень, яркая осень царит:
Солнца свет золотит облака,
Обнажаются клёны в Москве,
И кружится осенний опад,
Листья звёздно сверкают в траве.
В октябре – золотой звездопад!

Осенний этюд 11

Октябрьский лес, как иудейская царица,
С себя снимает семь сакральных покрывал
Листвы осенней, что усердно расшивал
Цветастым ярким шёлком каждодневно!
Они, скользя по гладкости колен деревьев,
Разноцветными листьями
Спадают вниз и, рассыпаясь лоскутами,
Буреют, сохнут, превращаясь с грустью в тлен!

Злато листвы превращается в медь

Злато листвы превращается в медь
И усыпает лесные тропинки.
Солнце устало по-летнему греть,
Между кустами парят паутинки.
Лета шаги затихают в глуши,
Зябнет трава, по ночам остывая,
Бархатным строем стоят камыши,
Лету прошедшему честь отдавая.
Бабьему лету уйти суждено,
Яркие краски с руки отпуская,
Осени трон уступает оно,
Землю теплом напоследок лаская!

Снова осень, раскинув шатёр золотой...

Снова осень, раскинув шатёр золотой
Над землёй, Бабьим летом красуется.
Опьянённый волшебной её красотой,
Лес, застыв, чаровницей любит.
А она, шаль цыганскую яркой листвы
Разбросав шаловливо и весело,
Ею землю покрыв, по ветвям до травы
На деревьях мониста развесила.
Пусть навстречу туман ей объятая простёр,
Отрезвляя предзимним дыханием,
Но пылает листва, как цыганский костёр,
Обжигая мистическим пламенем!

Июль уже перевалил за половину...

Июль уже перевалил за половину,
И скоро август долгожданным звездопадом,
Срываясь с неба лета позднего опадом,
Вселенной тайной приоткроет сердцевину!
За тёмным бархатом ночного мироздания
Скрывает космос потаённые мечты,
Но всем успевшим ночью загадать желанья
Бросает звёздами в ладони с высоты!

Ирина Арсентьева

Отрывок из романа «Нимфоманка. Нескучный октябрь»

Я не видел её, только слышал. Голос был женский, и поэтому я решил, что это она. Она бормотала что-то невнятное. Будто читала речитативом или повторяла скороговорку с набитым орехами ртом. Такие упражнения рекомендуют преподаватели театральных училищ для формирования правильной речи и дикции. И пока я старался разобраться, что она вещает в этой кромешной тьме неосвещённого моста и кому, решение прыгать в ледяную воду исчезло само собой.

Вздвигнув, я отчётливо представил, как левый приток холодной непокорной Ангары Китой поглощает моё тело, и тогда сделал два коротких шага назад и покрепче затянул на шею шерстяной шарф. Он кололся, и от этого стало немного теплее, хотя меня по-прежнему била мелкая дрожь. А она всё бормотала и бормотала, не ведая, что именно сейчас спасла чью-то жизнь.

Я шёл на её голос, как бездомный пёс на приманку. Запнулся о камень и матюгнулся, как мне казалось, про себя, но она услышала и замолчала.

Потом послышалось встревоженное:

– Кто здесь?

– Не бойтесь... – Приближаясь, я старался отвечать как можно спокойнее. – Вам ничего не грозит. – Действительно, какую опасность может представлять человек, который пять минут назад мог лежать на дне реки или, в лучшем случае, плыть по бурному течению!

«Плыть по течению было бы куда интересней, чем кормить раков, – неожиданно промелькнула абсурдная мысль. – Хотя какие осенью раки? Они, скорее всего, уже улеглись спать в норы. Да и какая осень, если к концу месяца река, по всем прогнозам, должна покрыться тонким льдом». Точных сведений о том, когда раки залегают в спячку, у меня не было. Да и вообще, обитают ли они в Китой, мне было неизвестно. Рыба водилась в изобилии, а вот раки...

Я выудил из кармана пальто телефон и включил фонарик. Луч света заставил её зажмуриться. Она тряхнула головой, и рыжие локоны полыхнули ярким пламенем.

На ней был вязаный берет. Такие никто сейчас не носит. «Немодный, бабушкин, наверное», – оценил я, уставившись на крупно вывязанные петли незамысловатого узора.

И сделал ещё несколько осторожных шагов, не желая напугать её. Раздался дрожащий голос, похожий на дребезжание струны скрипки пикколо.

– Вы кто? – снова спросила она, не видя меня и боясь, что ответа не последует по причине того, что я не более чем говорящий призрак.

– Просто прохожий. Заблудившийся. Но теперь, кажется, нашёл что-то куда более странное, чем я сам... – ответил я, намекая на неё в старомодном берете. Не мог же я сказать, что пришёл сюда топиться. Как-то несерьёзно, почти по-детски звучало это слово – «топиться»... В моём-то возрасте можно было придумать что-нибудь более оригинальное.

Она замолчала, и я видел, как блестят, отражая свет фонарика, её глаза. Их цвет не получилось определить, потому что при таком освещении всё кажется неправдоподобным. Что в них было? Смесь страха, удивления и ещё чего-то очень необычного. Я пока не понимал, что это, но уже жаждал познать. Жаждал так, что противно защемило в паху.

– Что ты сейчас бормотала? – спросил я, как будто это интересовало меня больше всего. Ни кто ты, ни зачем ты здесь, а что бормотала! Странно было задавать такой вопрос, но именно его я и задал.

Она взглянула из-под берета и тихо ответила:

– Это... это обычная скороговорка...

– Не очень похоже. – Слушая её бормотание в темноте, я как раз таки думал о скороговорке, но почему-то сказал, что непохоже. Тут же зачем-то попытался вспомнить детские скороговорки, какие знал. «Шла Саша по шоссе...», «Ехал Грека через реку, видит Грека в реке рак...» Опять я о раках... Сегодня, по всему, мне никак от них не отделаться. Постарался отогнать мрачные мысли о членистоногих, точащих мои ноги острыми хитиновыми зубцами. Раки представлялись мне большими и почему-то красными. Как лангусты или омары на блюде. Они отрывали клешнями мои пальцы, но крови не было. И то хорошо!

– Вы меня разоблачили, – согласилась она. – Это не скороговорка, а заклинание. Для защиты... этого места...

«Этого места?! Обычный мост. Что в нём такого? Если не считать, что с него не раз и не два кто-то когда-то, несомненно, уже сигал вниз, – подумал я и почувствовал, как лёгкий холодок снова пробежал по спине. – Статистику утопленников на земле никто, конечно, не вёл, в чём я был абсолютно уверен. Но сегодня в небесной канцелярии одного не досчитаются. Это неоспоримый факт».

– А я думал, здесь никого никогда не бывает, – сказал я, продолжая светить фонариком и стараясь разглядеть её лицо под нелепым беретом. Соврал, конечно. Этот мост представлялся идеальным местом для совершения акта утопления.

Она улыбнулась так осторожно, как будто боялась, что её улыбка будет неверно мной истолкована.

– Почти никого. Почти никогда. Но иногда сюда приходит тот, кто ищет что-то давно потерянное.

Она была гораздо моложе меня, лет на двадцать, наверное. Вполне могла сойти за дочь. Но детей у меня не было, и поэтому в этом качестве я её сразу не воспринял.

Я молча кивнул, напрочь забыв о том, что в темноте любые движения почти незаметны. Говорить почему-то больше не хотелось. Здесь, на старом мосту над чёрной Китой, слова казались лишними. Да и какие могут быть слова, когда само название реки означает «волчья пасть». Древняя легенда рассказывает, что Китой был тайно влюблён в красавицу Ангара. Он вздыхал и мучился, но не осмеливался признаться ей в своих чувствах. И когда Ангара помчалась к Енисею, сбежав от отца Байкала, Китой устремился за ней. Вслед ему кричали: «Куда ты? Куда мчишься?» А он с тоской в ответ: «К то-о-ой! К то-о-ой!» И доносилось, и слышалось: «Ки то-о-ой... Китой...»

Девушка сжала тонкие, блевшие в темноте пальцы на ремешке тканевой сумки, болтающейся на уровне бедра, и закрыла глаза. А когда открыла, испуганный и одновременно волнующий блеск всё ещё жил в них. Или мне это только казалось. Но в паху по-прежнему что-то не давало покоя.

Я убрал вспотевшую ладонь в карман, вытер её о подкладку и почти шёпотом спросил:

– Ты тоже что-то потеряла?

Она качнула головой.

– Вы ведь тоже что-то ищете? – произнесла она так уверенно, что мне на миг захотелось рассмеяться и ответить ей что-то типа «ищу вчерашний день» или «кто ищет, тот всегда найдёт», или «ищу на жопу приключений» (это было бы грубо, зато честно), но я только сильнее вцепился в свой колючий шерстяной шарф. «И почему я выбрал именно его?» – промелькнул в голове глупый, не к месту и не ко времени заданный вопрос о шарфе. Я тупел на глазах.

– Уже и не помню что! Кажется – себя. – Я действительно забыл о том, как и зачем ноги принесли меня сюда час назад. Мысль о том, как раки гложут моё посиневшее от холода тело, стала далёкой, словно пришедшей из прошлого века.

Лёгкий порыв ветра с влажным запахом тины заставил девушку прижаться к довольно крепким на ощупь перилам моста, и рыжие локоны взметнулись, будто крылья огненной

птицы. Мой фонарик моргнул и потух, но я успел заметить: она смотрит не на меня, а куда-то вдаль, через реку, в ночь.

– А место... – Она вероятно хотела что-то рассказать, но не закончила, а я не решился спросить, от кого нужно защищать это место.

Под мостом что-то хрустнуло. Я вздрогнул. Она тоже.

Одновременно склонившись, мы посмотрели в тёмную «пасть» Китой и поняли: эта ночь для нас только начинается и будет длиться бесконечно долго, стоит захотеть.

– Пойдёмте, – сказала она, приблизившись вплотную, и взяла меня за руку. Ладонка была маленькая и тёплая, как у ребёнка.

В эту минуту меня совершенно не интересовало, куда идти и зачем. Я шёл, как агнец на заклание, безропотно следуя за ней.

Вскоре мост, первоначально казавшийся очень длинным, закончился, и мы вышли на трассу, освещаемую фонарями. Туман спустился очень низко к земле, и свет едва пробивался сквозь него, рассеиваясь во влажном воздухе. По ощущению было около двух часов ночи. Ни машин, ни запоздавших пешеходов, на удивление, не было. Всё как будто вымерло.

Мы шли по обочине, и каждый наш шаг отдавался гулким эхом в безмолвной пустоте. Туман сгущался, обволакивая плотным одеялом, и свет фонарей превращался в разбросанные пятна, едва различимые в серебристой мгле. Обычно в такие моменты что-то происходит. По крайней мере, этого ждётся.

Она не отпускала мою руку – держала крепко, но без давления. В тишине я слышал только собственное дыхание и шорох щебня под ногами.

– Я Вероника, – неожиданно сказала она и прижалась ко мне так, что я смог в деталях рассмотреть её лицо и даже почувствовал запах. – Можете называть меня Никой, если хотите, а можете Верой.

Верхняя губа у неё обычная, а нижняя пухлая, как у капризного малыша. А глаза – миндалевидные и зелёные, с прямыми, как у телёнка, ресницами. Косметики – ноль. Бабушкин берет неуклюже сполз на лоб, и она поправила его, откинув волосы назад.

– Игорь, – представился я и слегка потряс её руку. Не знаю, зачем я это сделал.

– Просто Игорь? – переспросила она, разглядывая мою седую прядь на чёлке.

– Да, для тебя просто Игорь. Громов моя фамилия. Отчество поберегаю для подчинённых, – решил пошутить я фразой из фильма. Получилось не очень удачно. – И давай на «ты». Не такой уж я древний, как представляется. Согласна?

Она усмехнулась. Верхняя губа дрогнула, а нижняя стала ещё пухлее.

– Ты когда-нибудь замечал, что время имеет способность останавливаться? – легко перейдя на предложенное «ты», спросила она едва слышно, словно опасалась нарушить хрупкую магию ночи.

Я покачал головой, и Вероника улыбнулась – на этот раз без страха, почти нежно. Я инстинктивно обнял её за плечи, и мы пошли по направлению к пятиэтажным постройкам нового микрорайона на окраине города.

Александр Анюховский

Забывтое лето

Бродит ещё за околицей где-то,
Тихо шурша пожелтевшей листвою,
Всеми как будто забывтое лето —
Лето, в котором мы были с тобой.

Рвали вдвоём лепесток у ромашки
И над «не любит» смеялись шутя.
В небе парили, как вольные пташки,
Вместе до пика блаженства дойдя!

Падал, кружась, лепесток белоснежный,
Мы же беспечно летели в закат...
Осень пришла как-то тихо, небрежно,
Летний закончив любви маскарад!

Что же, ничто под луною не вечно!
Ветром осенним уносит любовь.
То, что казалось вчера бесконечным,
Станет лишь эхом забытых стихов!

Босоногая память шагает

Босоногая память шагает
По пригоркам далёких надежд,
А вокруг целый мир увядает,
Скинув зелень вчерашних одежд!

Всё пройдёт, и сойдёт позолота,
Припорошит поля серебром...
И что будет, мне знать неохота,
И всё чаще блуждаю в былом!

Там милее и ярче пейзажи,
И не хлётки ветра перемен.
Лишь с годами всё больше поклажи,
Всё трудней подниматься с колен!

Мне летних дней совсем не жаль

Мне летних дней совсем не жаль,
Их благодарно отпускаю,
И уж закрыв глаза, вкушаю
Я мудрой осени печаль.

Где жёлтый лист вослед кружит,
А облака сорят дождями,
И солнце хладными лучами
Гулять нас в парке не манит.

Под пледом в доме у окна
Я буду пить горячий кофе
И рассыпать небрежно строфы,
Довольный осенью сполна.

Молю о жалости

Идут года стенаний и позора,
И мук душевных, что лишают сил.
Я у себя украл – я хуже вора!
Я бросил то, что истово любил!

Дамоклов меч подвешен надо мною,
Он выкован из подлости моей.
У ног твоих склоняюсь головою,
Моля о капле жалости твоей!

Я знаю – мне не вымолить прощенья,
Как не прощён и предавший Христа!
Лишь рваная душа во искупленье
В земной темнице ада заперта!

Моему «другу»

Где ты, мой «друг», гуляка и повеса?
Какие ветры дуют в паруса?
Душа твоя всё так же омут беса,
Иль в ней давно ликуют небеса?

Я шёл вослед, копируя движенья
Твоих ужимок, рожиц и гримас,
И пряча стыд за маскою презренья,
Чужую боль не видел я подчас.

Лилось вино хмельными вечерами,
Пустых речей холодный водопад...
И клятвы вечной дружбы между нами
Под слоем пыли в памяти лежат...

...Порой устав от суеты и стресса,
Уйдя в себя, я слышу голоса.
Я слышу слева громкий хохот беса,
А справа тихо плачут небеса!

До свидания, лето!

Улетает лето на воздушном шаре,
Ждёт за горизонтом золотая даль.
Мне вчера казалось: вот оно в разгаре,
А сегодня слышу осени печаль.

Хоть пестрит поляна поздними цветами,
Облака над нею стали тяжелей,
И спешат собратья и проститься с нами,
Улетая к югу, клинья журавлей.

Улыбаясь, лето расстается с нами,
Ведь оно вернется, нужно только ждать!
И я верю, лето для меня и мамы
На воздушном шаре прилетит опять!

На рассвете

На рассвете печаль исчезает:
Мир спокоен и Богом храним.
И звонарь благодать разливает
С колокольни трезвонном своим.

Льётся звон, заполняя собою
Пустоту, что зияла в душе.
Тихо тает туман над рекою,
Ветерок загулял в камыше.

Как прекрасна земля на рассвете —
Белорусская наша земля!..
При лампадки мигающем свете
Помолюсь Богородице я!

Попрошу у неё я немного:
Лишь улыбок на лицах детей
И подольше встречать у порога
Самых главных, любимых людей!

Я лечу

Я лечу в синеве бескрайней.
Я парю над землёй цветущей.
И о той, что всего желанней,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.